

ФОМА ОПИСКИН

«Вехи»

Петр Бернгардович Струве шагал по своему кабинету и, довольный, потирал руки.

— Ага! Держись теперь, гнилая интеллигенция! Здорово мы ей накостыляли своими «Вехами». Пусть знают! Я уверен, что успех книжонки обеспечен. Агафья!!

— Издешь, барин.

— Агафья! Что, Агафья, никто из интеллигенции не заезжал благодарить за правдивое слово в «Вехах»?

— Чивойто? Угольщик, кажись, был, опять же молочница с черного ходу...

— Пошла вон, дура... Гм... да... Я уверен, что отзовутся сочувственно писатели, артисты... Агафья! Что — Леонид Андреев не заезжал? Нет? Стррранно! И Чирикова не было? И Станиславского?

— Никак нет.

— Неужели, не прочли?.. А скажи, англичанин, может, та кой... бритый заезжал?.. Не говорил ли он, что вот, мол, Гордон Крэг хочет пожать твоему барину руку за интеллигенцию.

— Бритый? Насчет руки? Нет, не было.

— А писем не было?

— Есть письмо. Да вот оно, вишь ты, лежит.

Струве лихорадочно распечатал письмо и взглянул на подпись.

— Антоний Волынский! Известный черносотенец... Ого! Разносит, вероятно. Что это?

Струве побледнел и покачнулся.

— Хвалит! Благодарит... Стррранно! За что бы это он мог нас хвалить?.. Агафья! Что, Милюков не заезжал?

— Сидит какой-то в передней...

— Ага! Зови его, зови!

Неизвестный вошел, сел против Струве и подмигнул ему:

— Гы-гы-гы! Молодца!

— Что вам угодно?

— Ловко этто ты их, Петра! Расчесал!

— Кто вы такой?

— Тимошкины мы. Депутаты.

Он покачал головой и захохотал:

— Можно сказать, и в хвост, и в гриву!

— Не можете ли вы сообщить мне, что вам угодно?

— Мне-то?

Тимошкин приложил палец к носу и, привставши немного, с глупой таинственностью шепнул:

— «Вехи» твой читал. Усладительная книжонка. Многого не понял, но, одначе, кое-что мозгом выдавил. А Гершензон-то, Гершензон!.. Смехотушка! Фамилия жидовская, а туда же... Ндас... Понимаем-с.

— Что вы понимаете?

Тимошкин сочувственно кивнул головой.

— Не без понятия-с. Вам, конечно, спервоначалу трудно-то будет, но потом, так сказать, обойдетесь. Обтерпитя-с. Хе-хе.

— Что такое? Что обтерпитя?

— Как же-с. Тюрьмы одобряли, ссылки-с. Сразу-то трудно вато настоящее Слово сказать, вот вы и ходили около.

— Господи... какое слово?!

Тимошкин приподнялся и шепотом сказал:

— Бить?

— Ах ты, Боже мой!.. Агафья, Агафья! Проводи их. Ступай-те, господин, с Богом.

Плутовски качая головой и вежливо усмехаясь, Тимошкин ушел.

— Агафья! Что — Гессен не заезжал?

— Какой Гессен?

— Все равно — Иосиф или Владимир... Может быть, Петрункевич заезжал? Или Мережковский?

— Пришел чичас какой-то.

— Проси, конечно, проси.

Вошел полный мужчина в черных очках.

— Имею честь представиться! Доктор...

— Мечников? — радостно подхватил Струве.

— Нет-с. Дубровин. Хе-хе... А вы — плут преестественный...

Столько времени прикидывались таким, сяким, а о настоящем-то вы все время молчали. Шли бы к нам сразу. Компания у

нас хорошая: Буксгевден барон, господин Майков — папенька их тоже стишки писали, Баранов, рыбник... Все публика правильная!

— Что вам нужно?

— Прочел я книжечку... «Вехи»-с. Сам-то я, знаете, ничего теперь не читаю, отяжелел, да посоветовали мне. Марков 2-й, извольте знать? Прочти, говорит, Саша. Прочел! Ну-ну... Закрутили.

Прекрасный путь. Вы их, так сказать, словесно разносите, а мы деловую часть бы на себя взяли. Мы-то, признаться, уже одного такого интеллигента усахарили в Финляндии. Изволили слышать?

— Усахарили? Что такое? Я, простите, не понимаю... Какое это имеет отношение?

— Ну-ну, полноте скромничать. Вы думаете, мы не поняли, почему вы книжку назвали «Вехи»?..

— Как почему?.. «Вехи» — палки, указующие путь...

— Ага, да... палки. Хо-хо-хо! Понимаем-с, какие палки. А наверху перекладина-с, а на перекладине верев...

— Агафья!

— Ну, да ладно, ухожу. Ишь ты, как вы сомлели. Известно, с непривычки... Ничего! Дальше легче пойдет!.. Прощайте. Обещал к вам дядя Шпыняй зайти. «Кланяйся, говорит, и скажи, что буду. Лично, говорит, познакомиться и ручку пожать лестно». Хе-хе.

* * *

Струве дрожал как в лихорадке.

— Агафья! — истерически закричал он. — Если кто из поклонников придет — не пускай. Запри двери!

А в запертую дверь уже кто-то ломился и слышался хриплый голос:

— Нет, ты коли наш, так впусти! Мне, брат, многого не надо... Дашь на полбутылки с закуской, так я любому интеллигенту морду разобью. Пётра, а Пётра!..

Пусти, чтоб тебе лопнуть!

(Сатирикон. 1909. № 21. 23 мая (5 июня). С. 2—3)

